

или суета». Это несомненно тоже перевод, вероятно тоже с латинского языка, хотя обнаружить оригинал пока не удалось. Включение пятой части и создание из всех пяти книг единого, цельного произведения (в то время как в латинском тексте каждая «ода» имела самостоятельное происхождение и лишь со временем все четыре были объединены издателями) придали творению А. Х. Белобоцкого единство замысла и построения. Переводчик не счел возможным закончить свою поэму описанием райского блаженства святых, он даже не перевел эту огромную «оду» Нисса целиком, ограничившись 22 строфами из 60. Преисполненные глубокого трагизма скорбные размышления о смерти, страшном суде и адских муках занимают его более, нежели небесное воздаяние праведникам; и достойным завершением этих патетических описаний страстей человеческих и мрачных апокалиптических видений явилось не лицемерие святой троицы, а спокойное, умиротворенное и грустное размышление о суе человеческой жизни.

Переводя латинские стихи на «русский диалект», Белобоцкий приспосабливает свой перевод к русским условиям, стремясь сделать его близким и понятным русскому читателю.

Прежде всего он резко ограничивает употребление античных мифологических имен и понятий, часто опуская их или переводя русскими понятиями: «Парка» заменяется «смертью», Плутон — адом, царство Дита — царством Сатаны; такие имена и названия, как Крез, Цербер, Циклопы, Наяды, Олимп часто не переводятся совсем.

Белобоцкий широко вводит в свою поэму русские реалии, используя образы и понятия современной ему русской жизни. В стихах его действуют «князи с боярами», вокруг них — их «двор и дворяне», живут они в «палатах честных», люди бьют им челом до лица земли, а по смерти «боярин крестьянину, царь холопу равны будут». Вдова «по себе справит отчину». Смерть крадется «яко тать и разбойник», «вяжет веревку с крепких лык»; говоря об одеяниях богачей, не давших овчины бедняку, Белобоцкий перечисляет шубы, шубки с соболями, «горностайны с огоньками», рысьи, лисьи, бельи, вспоминает и о «поколенных кафтанчиках». Адский огонь он сравнивает с огнем на железных заводах.

В торжественный церковнославянский язык поэмы, грешащий полонизмами и латинизмами, Белобоцкий смело вводит слова и обороты русской разговорной речи: «в далекой путь идиши, а запасу тебе мало», «тверда будет постель главе, мила, что соль кому в очи», «прочь с полаты, ну, вон з двора!» и т. п.

Система образов в поэме Белобоцкого гораздо более выразительна и конкретна, нежели в насыщенных мифологическими ассоциациями отвлеченных моральных сентенциях поэтов-иезуитов.

В результате такой вольной переработки «од» Радера и Нисса Андрей Белобоцкий создал самостоятельное произведение русской поэзии, значительно превосходящее по своим художественным достоинствам использованный им латинский оригинал.

Первая книга — «О смерти» — открывается патетическим обращением к небесным светилам, вечности которых противостоит бренность человеческой жизни:

О светлейше, злата солнце, луно, чиста паче сребра!
Смерть блискую слышит сердце, мне умерти, вам жизнь добра.
Два светила в день и ночи, ваш век старости не знает.
Нам сон смерти лезет в очи, старых и младых страшает.
Звезды на небе светите, планеты кругом ходите,
Сестры Плеяды простите, дождь нам в жарах посылайте.
Кастор и Полукс, ваша милость явна по морю плывущим.